

I.

ДѢЛО 2-ГО МАРТА 1862 ГОДА

НА РѢКѢ БѢЛОЙ.

Одно изъ самыхъ важныхъ, по своимъ послѣдствіямъ, и самыхъ кровопролитныхъ дѣлъ, при покореніи западнаго Кавказа, въ періодъ времени съ 1860 по 1864 годъ, было, безъ сомнѣнія, дѣло 2-го марта 1862 года, при впадѣніи ручья Чхафизенсъ въ рѣку Бѣлую, у такъ названнаго «семяколѣннаго спуска». Къ сожалѣнію, ни офиціальная реляція объ этомъ замѣчательномъ подвигѣ апшеронцевъ, ни появившіеся разновременно въ печати краткіе объ немъ отзывы, не даютъ истиннаго понятія о ходѣ и результатахъ четырехчасоваго боя пятисотъ стрѣлковъ съ четырехтысячнымъ скопищемъ горцевъ, на позиціи, увеличивавшей выгоды противника до громадныхъ размѣровъ.

Напримѣръ, въ одномъ описаніи (*), баталіонъ апшеронцевъ уподобляется бомбѣ, прорѣзавшей громадныя массы окружившихъ его горцевъ; въ другомъ (**), дѣло 2-го марта представлено не какъ замѣчательная во всѣхъ отношеніяхъ побѣда наша, а скорѣе какъ пораженіе, послѣ котораго остатки баталіона ушли, бросивъ убитыхъ, тѣла которыхъ были изувѣчены горцами безчеловѣчно и оскорбительно.

Имѣя счастье командовать стрѣлковымъ баталіономъ Апшеронскаго полка, и бывъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ дѣлѣ 2-го марта,

(*) Письма съ Кавказа г. Фадѣева къ редактору „Московскихъ Вѣдомостей“.

(**) Пшехскій отрядъ, статья Г. К. Гейса, въ „Военномъ Сборникѣ“ за январь 1866 года.

я, для возстановленія истины, изложу послѣдовательно всѣ извѣстныя мнѣ обстоятельства, сопровождавшія этотъ знаменательный эпизодъ кавказской войны; изображу подробно и ходъ, и послѣдствія самаго дѣла.

Я слишкомъ дорожу доброю памятью и уваженіемъ къ себѣ моихъ бывшихъ ратныхъ товарищей, участниковъ дѣла, кровью своею оросившихъ знаменитый «семиколѣнный спускъ», чтобы въ настоящемъ очеркѣ дозволить себѣ уклониться отъ святой истины.

Послѣ проѣзда Государя Императора по Кубанской Области, осенью 1861 года, абадзехамъ и другимъ полупокорнымъ племенамъ, населявшимъ предгорья сѣвернаго склона кавказскаго хребта, отъ Лабы къ морю, окончательно и рѣшительно было объявлено, что прежнія ихъ полувраждебныя и неопредѣленныя отношенія къ нашему правительству, должны прекратиться. Имъ оставалось или подчиниться во всемъ условіямъ, предложеннымъ отъ имени Государя Императора, или же предпринять борьбу, исходъ которой легко было предвидѣть и на которую сами горцы смотрѣли какъ на послѣднюю крайность, должеествовавшую окончиться для нихъ совершеннымъ разореніемъ и отнятіемъ земли для русскаго поселенія.

Въ концѣ осени и въ началѣ зимы, несмотря на постепенное заплатіе отрядами новыхъ позицій отъ Майкопа вверхъ по Бѣлой, несмотря на рубку просѣкъ, разработку дорогъ, устройство станицъ, постовъ, по этой рѣкѣ и далѣе по Фюнфту до Хамкамовъ, горцы, волнуемые междоусобіями, безначаліемъ, подстрекаемые въ то же время турецкими эмисарами и убыхскими князьями, не рѣшались начать открытую съ нами войну. Нападеніе на колону майора Граббе и на фуражировъ лпейпаго стрѣлковаго полубаталіона было дѣломъ болѣе даховскихъ и убыхскихъ разбойниковъ, нежели осѣдлаго населенія. Начало же окончательнаго разрыва съ абадзехами слѣдуетъ отнести ко времени перехода главнаго отряда черезъ Бѣлую, на ханской переправѣ, въ концѣ января мѣсяца.

Но и въ это время жители праваго берега рѣки, а именно махошевцы, темиргоп, егерукаи и верхніе абадзехи по Фюнфту, уклоняясь отъ явнаго участія съ сосѣдями на лѣвомъ берегу, уже вступившими въ борьбу съ нами, выказывали притворное желаніе остаться мирными, и соглашались, тоже притворно, выселиться на вновь указанныя имъ земли по Лабѣ и Кубани. Дѣло 2-го марта выказало ихъ коварство и послужило поводомъ къ справедливому и скорому возмездію.

Съ уходомъ главнаго отряда за Бѣлую, для занятія трехъ постовъ, устроенныхъ отъ Майкопа вверхъ по Бѣлой, оставлены были слѣдующія войска: на посту Топ-Гогдабъ, стрѣлковый баталіонъ Апшеронскаго полка, подъ начальствомъ маіора Шиманскаго; на Фюнфтѣ, сводно-стрѣлковый № 4 полубаталіонъ, съ маіоромъ Солтаномъ, и на посту Напача-Нашъ, двѣ роты Самурскаго стрѣлковаго баталіона, подъ командою подполковника Фридерикса. Соединеніе между этими частями, вслѣдъ за уходомъ отряда, прекратилось. Горцы, въ теченіе февраля, нѣсколько разъ покушались тревожить два передовые поста, но безуспѣшно; тѣмъ не менѣе, партіи постоянно проходили въ виду ихъ, то вверхъ къ каменному мосту, то внизъ къ Майкопу, переправлялись за Бѣлую, словомъ, держали посты какъ бы въ блокадномъ положеніи, затрудняя часто посылку командъ за дровами и водою.

Въ концѣ февраля получены были въ главномъ отрядѣ донесенія отъ подполковника Фридерикса и маіора Солтана, что гарнизоны на ввѣренныхъ имъ постахъ нуждаются въ продовольственныхъ припасахъ, преимущественно въ говядинѣ и соли. 28-го февраля, начальникъ верхне-абадзехскаго отряда, полковникъ Горшковъ, предписалъ маіору Шиманскому, со стрѣлковымъ баталіономъ Апшеронскаго полка, сотнею Кубанскаго № 3 полка и полевымъ орудіемъ, двинуться на Фюнфтъ съ колоною, доставить туда необходимые продовольственные припасы и, возвратившись того же дня къ Топ-Гогдабу, подробно донести о положеніи дѣлъ на двухъ передовыхъ постахъ. Конвертъ былъ присланъ со старшиною одного изъ сосѣднихъ ауловъ, Сулеймапомъ, которому было, между прочимъ, поручено, какъ надежному человѣку, развѣдать о сборахъ непріятеля, о состояніи дороги и сообщить обо всемъ начальнику колоны, прежде ея выступленія.

Вечеромъ 1-го марта, повозки съ продуктами для самурскихъ и липейныхъ ротъ, одно полеовое орудіе и двѣ роты изъ майкопскаго гарнизона, назначенныя для занятія поста на время отсутствія апшеронцевъ, прибыли на Топ-Гогдабъ. Туда же вскорѣ явился сынъ старшины Сулеймана съ извѣстіемъ, что вблизи особенныхъ сборовъ нѣтъ, что только на каменномъ мосту находится партія абадзеховъ въ 500 человѣкъ, по, что мосты, устроенные нами по дорогѣ, разломаны, дорога же во многихъ мѣстахъ испорчена, или завадена деревьями. Онъ же принесъ письмо отъ подполковника Фридерикса, который сообщалъ маіору Шиманскому о весьма затруднительномъ положеніи гарнизона, а главное, что люди питаются одними сухарями и вовсе не имѣютъ соли.

По полученіи этихъ свѣдѣній, майоръ Шиманскій сдѣлалъ немедленно распоряженіе: колесный обозъ замѣнить вьючнымъ, полевое орудіе оставить на посту, такъ какъ оно замедлило бы движеніе, стѣснило бы подвижность колоны на мѣстности пересѣченной и крайне затруднило бы при переправахъ черезъ овраги и рѣчки, гдѣ были уничтожены мосты.

2-го марта, въ четыре часа утра, баталіонъ налегкѣ, вьюки и сотня казаковъ, всего подъ ружьемъ 560 человекъ, выступили по назначенію. Проложенная прошлую осенью дорога вверхъ по правому берегу рѣки Бѣлой до Фюнфта, изгибаясь по нижнимъ уступамъ лѣсистаго хребта, прорѣзывается, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, овраги и небольшіе ручьи, въ числѣ которыхъ болѣе значительный, подъ названіемъ Чафизепсъ. Дорога по спуску къ этой рѣчкѣ, проходящей въ глубокой ложбинѣ, при впаденіи въ Бѣлую, идетъ зигзагами по отгорьямъ, образующимъ полукругъ, такъ что низменная площадь, у соединенія рѣкъ, образуетъ неправильный треугольникъ, края котораго: оврагъ Чафизепса, рѣка Бѣлая и возвышенности полукругомъ, по которымъ спускается дорога, то огибая бока выдающихся высотъ, то углубляясь въ ложбины ската.

За двѣ версты не доходя къ спуску, нѣсколько сигнальных выстрѣловъ, вдоль хребта къ Фюнфту, обнаружили, что жители были предувѣдомлены о нашемъ движеніи. Стали попадаться деревья поваленныя поперекъ дороги, кучи кряжей, въ видѣ заваловъ, преимущественно въ узкихъ мѣстахъ, загромаждавшихъ проходъ. Выдвинутые впередъ люди съ шанцевымъ инструментомъ паскоро раздѣлывали дорогу для слѣдованія колоны, такъ что она, почти безъ остановки, подошла къ спуску.

Вообще на войнѣ, а чаще всего въ горной, самое маловажное, повидимому, обстоятельство, унущенное изъ виду, или невсесторонняя обдуманность въ распоряженіяхъ могутъ имѣть весьма пагубныя и ничѣмъ неисправимыя послѣдствія. При рубкѣ просѣки вверхъ по Бѣлой, оставлены были несрубленными, по обѣимъ сторонамъ дороги, два ряда деревьевъ, въ видѣ аллеи, съ тою цѣлью, чтобы проходящимъ колонамъ доставить тѣнь во время лѣтнихъ жаровъ, а иногда и удобное прикрытіе для стрѣлковъ, въ случаѣ пападенія. Горцы воспользовались этою алеей по-своему. При рубкѣ просѣки, обыкновенно все что срублено, тутъ же сжигается, и тогда образуется открытая мѣстность, съ обѣихъ сторонъ дороги, по меньшей мѣрѣ на 500 шаговъ. Горцы, чтобы воспрепятствовать движенію колоны на мѣстности гористой, перерѣзанной крутыми оврагами,

срубили оставленную нами аллею и завалили дорогу, такъ что двигаться по сторонамъ ея и для пѣшихъ было почти невозможно. Счастье, что мы не имѣли при себѣ колеснаго обоза и догадались оставить орудіе; иначе, намъ пришлось бы возвратиться въ Топ-Гогдабъ, не исполнивъ своего назначенія, ибо, для расчистки дороги, мы не имѣли ни средствъ, ни времени.

При спускѣ, передовой пикетъ былъ встрѣченъ нѣсколькими выстрѣлами изъ-за деревьевъ и зигзаговъ; по колонна, не увлекаясь перестрѣлкою, подвигалась впередъ, очищая на скорую руку дорогу для прохода людей и выюковъ. Переправясь черезъ оврагъ Чхафизепа и выдвигуясь влѣво цѣпь, мы перестрѣливались съ одиночными конными и пѣшими, провожавшими насъ по хребту. Горцевъ прибывало со всѣхъ сторонъ все болѣе и болѣе, такъ что, не доходя двухъ верстъ къ посту на Фюпфтѣ, завязалась жаркая перестрѣлка въ цѣпи. Но колонна все слѣдовала впередъ; соединившись за версту съ ротою, высланною изъ редута, она отбросила горцевъ, и въ десять часовъ подошла къ Фюпфту. На этомъ переходѣ у насъ убитъ одинъ стрѣлокъ и одинъ раненъ. Передавъ часть обоза линейнымъ ротамъ, баталіонъ двинулся на постъ Напача-Нашъ, куда и прибылъ къ двѣнадцати часамъ.

День былъ свѣтлый и жаркій. Люди устали, а между тѣмъ каждая минута была дорога для насъ. Со всѣхъ сторонъ подходили партіи горцевъ; толпы ихъ постепенно густѣли по хребту, идущему вправо отъ дороги, по которой намъ предстояло возвращаться. Самурцы, какъ могли, угостили насъ, и, баталіонъ, напутствуемый добрыми пожеланіями нашихъ дагестанскихъ ратныхъ товарищей, въ часъ пополудни двинулся въ обратный путь.

Въ ротныхъ колоннахъ, отличавшихся разноцвѣтными значками (которые, впослѣдствіи, абадзехи узнавали издалека), имѣя цѣпь впереди и справа, баталіонъ съ облегченными выюками по серединѣ, стройно, усиленнымъ шагомъ, двинулся на встрѣчу непріятелю. Всѣ, отъ перваго до послѣдняго, видѣли ясно, что намъ придется выдержать упорный бой, но на лицахъ всѣхъ и каждого выражалось единодушное желаніе помѣряться силами съ врагомъ, еще новымъ для насъ, но о храбрости котораго, въ прежнія времена, много намъ рассказывали.

Нравственное настроеніе офицеровъ и солдатъ подавало несомнѣнную надежду на успѣхъ. Какъ ни громадны были толпы горцевъ, находившіяся въ виду нашего, однако между офицерами и солдатами никто и въ мысли не имѣлъ слова: «отступленіе».

Когда начальник колопы, подъѣзжая, спрашивалъ солдатъ: «что, ребята, одолѣемъ мы эту орку?» солдаты, съ полнымъ сознаніемъ своего превосходства, отвѣчали: «побьемъ, ваше высокоблагородіе, хотя, може, и жарко намъ придется». Горцы, густыми массами, впереди насъ и справа по хребту, спѣшили къ семиколѣнному спуску; мы, почти безъ выстрѣла, слѣдовали за ними низомъ по дорогѣ. Не доходя версты до Чхафизенса, 2-я рота, а за нею взводъ 3-й роты направлены были по крутому подъему вправо на гору, чтобы занять высоты, въ этомъ мѣстѣ ближе примыкавшія къ дорогѣ. Очистивъ отъ непріятеля хребетъ, роты подвигались впередъ, сообразуясь съ движеніемъ колоны по-низу. Подойдя къ оврагу на 600 шаговъ, мы увидѣли хотя и ожидаемое, но тѣмъ не менѣе грозное зрѣлище. Вся окраина оврага, справа и слѣва отъ дороги, обрамлялась сплошною массою непріятельскихъ папахъ, поднятыми вверхъ винтовками, шашками и кинжалами наголо. Площадка за оврагомъ, устѣяна была толпами; по всему семиколѣнному подъему пестрѣли горцы, засѣвшіе за срубленными деревьями, завалами и уступами дороги; самыя высоты, по всему полукругу, заняты были пѣшими и конными, въ видѣ резерва. Словомъ, какъ оказалось впоследствии, всѣ почти до сихъ поръ мирные махосевцы, егерукап, темиргоп, абадзехи по Фюнфту, также жители близкихъ ауловъ лѣвой стороны Бѣлой, предувѣдомленные о нашемъ движеніи, собрались здѣсь въ числѣ слишкомъ 4,000 человекъ, чтобы, вмѣстѣ съ партіею бывшею на каменномъ мосту, преградить намъ путь и, ежели удастся, разобрать по рукамъ. При этомъ почти первомъ серьезномъ столкновеніи съ нами, непріятель, надѣясь на свое числительное превосходство и крѣпкую позицію, рассчитывалъ навѣрное дать намъ кровавый урокъ и тѣмъ возбудить народъ къ упорной борьбѣ.

Колопа остановилась. Частямъ, бывшимъ на горѣ, данъ сигналъ присоединиться къ баталіону. При отступленіи съ горы, спускаясь съ крайнимъ звѣномъ цѣпи, первымъ паль храбрый капитанъ Яковлевъ, пораженный въ средину чела пулею, на близкое разстояніе. Минута была торжественная!... Намъ еще было время отступить, и потеря паша не могла бы быть значительною. Между тѣмъ, рѣшаясь атаковать непріятеля, почти въ десять разъ сильнѣйшаго числомъ, на мѣстности выгодной для него, укрѣпленной завалами, на протяженіи труднаго подъема въ гору, три четверти версты длиною, мы рисковали подвергнуть себя если не гибели, то жестокому пораженію. Начальникъ колоны понималъ громадную отвѣтственность свою въ эту

минуту. Но опъ, какъ и всѣ его испытанные въ бояхъ офицеры воплиѣ были убѣждены, что для нашего кавказскаго солдата вообще, для апшеронца же въ особенности, наступленіе равносильно побѣдѣ, отступление же, напротивъ, стыдъ и неминуемое поражение. Это понятіе глубоко утвердилось у насъ, апшеронцевъ, побѣдами и неудачами, испытанными въ теченіе сорокалѣтней службы полка на Кавказѣ, и, быть можетъ, остаткомъ предапій тѣхъ славныхъ боевыхъ подвиговъ, которые полкъ нашъ совершилъ, подъ начальствомъ Румянцева, Суворова и Кутузова, въ Турціи, Италіи и во время наполеоновскихъ войнъ. Намъ предстояло первое рѣшительное столкновеніе съ вѣроломнымъ непріателемъ, уклонялся отъ котораго мы давали горцамъ нравственный перевѣсъ и внушали надежду противустать намъ въ борьбѣ, исходъ которой, до того времени, сами они считали для себя гибельнымъ. Къ тому же, отступление наше неминуемо должно было или парализовать дѣйствія главнаго отряда за Бѣлой, или замедлить исполненіе предначертаннаго плана войны на неопредѣленное время.

Тремъ ротамъ приказано было ударить на засѣвшую въ оврагѣ толпу. Одна рота, съ обозомъ и казаками, припала влѣво, подвигаясь по берегу Бѣлой, по мѣрѣ наступленія боевой колонны. Ударъ былъ такъ стремителенъ и такъ друженъ, что озадаченный непріатель, сдѣлавъ почти безвредный залпъ, бѣжалъ вверхъ по оврагу, а толпы, ожидавшія на площадкѣ, стремглавъ бросились укрыться за завалами. Массы наполнившія оврагъ, поражаемая на близкое разстояніе пулями и штыками, бѣжали безъ оглядки, и дали намъ возможность переправиться черезъ оврагъ Чхафизепса, запясть терасу вдоль берега Бѣлой и устроиться для дальнѣйшаго дѣйствія.

Баталіонъ занялъ слѣдующую позицію: правымъ флангомъ примыкая къ оврагу Чхафизепса, мы имѣли позади, шагахъ въ тридцати, рѣку Бѣлую; лѣвый флангъ упирался въ откосъ выдавагося мыса, который отвѣсно подходилъ къ самому берегу рѣки; передъ фронтомъ находилась ровная трехугольная площадка, бока которой, отъ 300 до 500 шаговъ длины; далѣе, полукругомъ, возвышенности запятыя и укрѣпленныя непріателемъ, по которымъ извивался подъемъ. Противъ праваго нашего фланга, у самаго оврага, возвышалось нѣсколько могилъ, покрытыхъ деревянными павѣсами на столбикахъ, съ большими рѣзными надгробными камнями. Здѣсь толпились массы горцевъ, укрываясь отъ выстрѣловъ за уступами дороги и могильными памятниками. На такой-то позиціи пришлось намъ выдержать упорный бой съ окружившимъ насъ непріателемъ.

Въ теченіе полутора часа, со всѣхъ возвышенностей, а также изъ-за Бѣлой, на насъ сыпался градъ пуль.

Горцы нѣсколько разъ, собравшись въ массы отъ 500—600 человѣкъ, отдѣлялись отъ памятниковъ съ шашками и кинжалами, стараясь ударить на нашъ фронтъ и на правый флангъ, чтобы отбросить насъ въ рѣку; но, осыпаемые пулями, не добѣжавъ и до половины раздѣлявшаго насъ пространства, съ большою потерей должны были поворачивать назадъ и укрываться за завалами. Выстрѣлы съ высотъ вредили намъ мало, по, подъ конецъ, пули съ лѣваго берега Бѣлой, гдѣ засѣло нѣсколько горцевъ, и притомъ на близкомъ разстояніи, безнаказанно начали причинять намъ чувствительную потерю.

Непріятель оставался на своей грозной позиціи, которую штурмовать было пока невозможно, а между тѣмъ потеря въ людяхъ у насъ съ каждою минутою увеличивалась. Необходимо было придумать средство, которое вынудило бы непріятеля ослабить главный ключъ позиціи имъ запятой и дать намъ возможность атаковать его съ надеждой на успѣхъ.

Съ этой цѣлю, сначала правый флангъ отодвинуть былъ шаговъ на сто отъ оврага и расположенъ лицомъ къ нему; изгибъ терасы дозволилъ сдѣлать это не подвергаясь большой опасности отъ дѣйствія горцевъ во флангъ. Оврагъ вторично былъ запятъ массами; когда же замѣчено было, что маневръ удался и что нѣкоторые изъ горцевъ, вѣроятно наскучивъ бездѣйствіемъ въ верхнихъ завалахъ, начали спускаться внизъ, то, чтобы еще болѣе вызвать ихъ на необходимое для насъ передвиженіе, приказано было полусотнѣ козаковъ сѣсть на коней и стараться переправиться за Бѣлую, а къ самому берегу отодвинута одна рота, маскируя намѣреніе перейти въ бродъ.

Непріятель вдался въ обманъ. Массы за завалами начали рѣдѣть. Толпы, бывшія около могильныхъ памятниковъ и за первыми уступами горы, стали спускаться въ оврагъ; конные, по-за оврагомъ поскакали къ Бѣлой.

Минута была самая желанная и удобная для удара: 1-я и 2-я роты, съ капитаномъ Поповымъ—Азотовымъ впереди, извѣстнымъ своею отвагою офицеромъ, уже раненымъ, но лихо на лошади поспѣвавшимъ вездѣ, гдѣ была опасность, поднявшись, какъ одинъ человѣкъ, съ крикомъ «ура», бросаются къ оврагу.... штыками стали кинать засѣвшихъ на окраинѣ.... выстрѣлами, на разстояніи десяти шаговъ, пропизываютъ толпу повернувшую вверхъ по оврагу.... добѣ-

гаютъ до кладбища и сбрасываютъ застрѣвшихъ тамъ въ оврагѣ же. 4-я рота, съ подпоручикомъ Нагибинымъ, и спѣшенные казаки, одновременно устремляются на высоты влѣво, занимаютъ выдавшійся мысъ и, очищая зигзаги и завалы нижней дороги, способствуютъ двумъ первымъ ротамъ....

Непріятель вездѣ, въ неопisanномъ смятеніи, бросается то вверхъ по Чхафизепсу, то въ гору къ лѣсу, безъ оглядки; остающіеся за завалами гибнутъ подъ ударами штыковъ....

Между тѣмъ, 3-я рота, казаки, съ убитыми и ранеными на носилкахъ и на лошадяхъ, подвигались серединою по ложбицѣ, подходящей къ главной высотѣ, которую справа уже занялъ Поповъ-Азотовъ и прапорщикъ князь Магаловъ съ 1-й и 2-ю ротами, а слѣва подпоручикъ Нагибинъ съ 4-ю ротою.

Къ шести часамъ вся колопа была на горѣ и начала устроиваться для дальнѣйшаго слѣдованія. Ошеломленный непріятель толпился въ оврагѣ Чхафизепса, и только конные лѣниво продолжали безвредную почти для насъ перестрѣлку.

Нелегко досталась намъ побѣда. Потеря наша была весьма чувствительна. Убиты: командиръ 3-й роты капитанъ Яковлевъ и 4-й поручикъ Ясинскій; два унтеръ-офицера и 19 стрѣлковъ. Командиры ротъ: 1-й — штабсъ-капитанъ Овечкинъ, 2-й — капитанъ Поповъ-Азотовъ, подпоручики Кудрявцевъ, Міаковичъ, Кушпировъ и прапорщикъ Губаръ, 6 унтеръ-офицеровъ, 1 горнистъ и 80 стрѣлковъ да пять человекъ казаковъ были ранены.

Благодаря по-истинѣ изумительному самоотверженію и достойной величайшей похвалы заботливости баталіоннаго нашего медика Банцлебена, и случайно находившагося въ колонѣ лекаря 21-го стрѣлковаго баталіона Панфиловича, всѣ до одного раненые, на мѣстѣ боя, получили перевязку. Заботливости и усердію преимущественно обоихъ медиковъ должно приписать то обстоятельство, что, съ началомъ атаки, раненые были или на носилкахъ, или на лошадяхъ и могли двинуться безъ задержки вслѣдъ за штурмовою колопою. Объ убитыхъ заботились ихъ товарищи. Восемь тѣлъ были сложены, на берегу Бѣлой, въ наскоро вырытыхъ могилахъ, покрытыхъ землею и дерпомъ. Юнкеръ Керликъ, тяжело раненый двумя пулями передъ началомъ атаки, умеръ; тѣло его было положено на лошадь, которую велъ въ поводу легко-раненый стрѣлокъ. Слѣдуя почти въ хвостѣ колонны, при подъемѣ на гору, тѣло свалилось съ лошади. Провожавшій стрѣлокъ, не будучи въ состояніи поднять тѣло на лошадь—а быть можетъ и отъ малодушія—не позвалъ на по-

мощь товарищей изъ цѣпи, взявъ однако ружье и патронташъ Керлика и съ лошадейю поспѣшилиъ присоединиться къ колонѣ. Это случилось на изгибѣ въ ложбинѣ, такъ что цѣпь 3-й роты, прикрывавшая обозъ, отступая по возвышенности, не замѣтила ничего. Узнали объ этомъ только тогда, когда всѣ взобрались наверхъ. Посылать команду подпять тѣло юнкера, значило рисковать потерей нѣсколькихъ человѣкъ; къ тому же наступали сумерки. И этотъ—то единственный и понятный для каждого, бывавшаго въ жаркихъ дѣлахъ, кавказца, хотя и прискорбный, но тѣмъ не менѣе случайный грѣхъ, подалъ поводъ высказать печатно тяжелый укоръ апшеронцамъ: будто они бросили тѣла своихъ убитыхъ товарищей на поруганіе варварамъ. На сколько стрѣлковъ баталіонъ Апшеронскаго полка заслужилъ подобнаго рода упрекъ, пусть рѣшаютъ тотъ, кто дорожитъ славою и добрымъ именемъ части, гдѣ имѣетъ счастье служить.

5-го марта колона, посланная на Фюнфть, подобрала восемь тѣлъ, вырытыхъ изъ земли, а также изувѣченное тѣло несчастнаго юнкера, и доставила въ Топ-Гогдабъ. Тѣла были погребены близъ стапыцы Егерукаевской, въ одной общей могилѣ.

Потеря непріятеля была огромная: по показанію лазутчиковъ, она простиралась свыше 600 человѣкъ. И неудивительно: пули Минье наглядно выказали здѣсь свое достоинство. Всѣ участники дѣла видѣли, какъ отъ одного выстрѣла въ массу, на близкое разстояніе, падали два—три человѣка, пораженные одною и тою же пулею. По отзыву же самихъ горцевъ, изъ числа раненыхъ не умиралъ, или не оставался колякою на всю жизнь, развѣ десятый человѣкъ. Вотъ слова горцевъ, бывшихъ въ дѣлѣ 2-го марта, буквально переданныхъ лазутчиками командовавшему войсками графу Евдокимову: «До сихъ поръ мы никогда не видали такихъ солдатъ: красные какъ раки, толстые, ростомъ великаны, глаза какъ у шайтана, а каждое ихъ ружье стрѣляетъ десятью пулями».

Какъ примѣръ истинной неустрашимости и находчивости, расскажу случай, котораго самъ былъ свидѣтелемъ. Стрѣлокъ 4-й роты, Евлампій Шестоглазовъ, при запятіи одной изъ возвышенностей, отдѣлившись нѣсколько отъ своихъ товарищей, незамѣтилъ какъ два горца выскочили изъ—за срубленнаго дерева и бросились на него сзади. Передовой подбѣгаетъ торопливо, наноситъ Шестоглазову два удара шашкою по головѣ и въ лѣвое плечо; стрѣлокъ оборачивается, колетъ штыкомъ дерзкаго татарина, и, повернувъ штыкъ, сбрасываетъ трупъ на землю. Увидя другаго, который въ испугъ побѣжалъ назадъ, догоняетъ и убиваетъ штыкомъ, подобно первому. Взявъ съ убитыхъ

оружіе, бравый Шестоглазовъ присоединился къ ротѣ. Раны его оказались не очень глубоки, благодаря папахѣ и торопливости татарина. Одну изъ отнятыхъ шашекъ опѣ подарилъ лекарю Банцлебену, въ знакъ признательности за сдѣланную ему перевязку.

Послѣ заката солнца, колона тронулась къ Топ-Гогдабу. Только одиначные конные провожали насъ издалека и слышались рѣдкіе выстрѣлы въ цѣпи. Въ верстѣ отъ редута, когда уже совершенно стемнѣло, насъ встрѣтила колона, высланная изъ Майкопа по тревогѣ. На постъ баталіонъ возвратился въ десять часовъ вечера.

Послѣ всего сказаннаго, предоставляю каждому безпристрастному судить, насколько правды въ упомянутыхъ выше отзывахъ о дѣлѣ 2-го марта. Можно-ли было назвать остатками баталіона грозную силу въ 400 штыковъ, въ стройномъ порядкѣ оставлявшую поле славной побѣды, не бросивъ на мѣстѣ ни одного раненаго, ни одного ружья, ни одного патрона! Не бомбой пролетѣли мы съвозъ толпы горцевъ, а въ кровавомъ бою постепенно занимали завалы и возвышенности на протяженіи всего подъема, въ $\frac{3}{4}$ версты длиною, при неумоляемомъ огнѣ и свалкахъ съ несоразмѣрно-превосходнымъ въ числѣ непріателемъ, въ теченіе трехъ съ половиною часовъ....

Послѣдствіемъ дѣла 2-го марта, въ соединеніи съ другими причинами и самымъ планомъ войны, былъ упадокъ духа, замѣченный въ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ съ нами абадзеховъ. Мы занимали постепенно самыя крѣпкія мѣста и позиціи почти безъ серьезнаго боя; не было оказываемо того упорнаго сопротивленія, той геройской отваги, той неустойчивости и удали, которыми, въ прежнія времена, столько славились вообще черкесскія племена въ рукопашныхъ схваткахъ. Какъ будто они тогда только поняли страшное для нихъ превосходство нашего оружія и нашей нравственной силы.

Все сорокатысячное населеніе между Псефисомъ и Бѣлой, вѣроломно поднявшее на насъ оружіе, вынуждено было оставить непріступныя до сихъ поръ лѣсистыя тущобы, почти безъ сопротивленія. Со всѣхъ сторонъ двинутые отряды очистили въ теченіе одного мѣсяца, пространство на 60 верстъ въ длину и ширину, отъ жителей, припудивъ ихъ уйти за Бѣлую и скитаться между абадзехами, до выселенія вмѣстѣ съ ними въ Турцію. Этими мы приобрѣли надежный базисъ для послѣдовавшихъ дѣйствій въ Дахо, на Пшихъ и Курджипсѣ (*).

(*) Государь Императоръ щедро наградилъ отличившійся баталіонъ: майоръ Шиманскій, по удостоенію Думы, пожалованъ орденомъ святаго Георгія 4 степени!

Унтеръ-офицеръ Солодовъ, спустя нѣсколько дней послѣ дѣла, сочинилъ слѣдующую солдатскую пѣсню, которую стрѣлки наши до сихъ поръ поютъ какъ боевое наслѣдство, переданное имъ старыми ихъ товарищами, участниками подвига. Нехитро сложена пѣсня, но почти вѣрно изображаетъ ходъ дѣла, и поэтому не лишена относительнаго достоинства. 2-го марта 1863 года, въ годовщину побѣды апшеронцевъ, Его Императорское Высочество главнокомандующій кавказскою арміею, въ отрядѣ на р. Пшишѣ, милостиво удостоивъ выслушать боевую пѣсню стрѣлковъ, пожаловалъ сочинителю Солодову часы съ цѣпочкою.

Вспомнимъ, братцы—Апшеронцы,
Славный день втораго марта!
Славно, братцы—Апшеронцы
День втораго марта! (припѣвъ).
— Сила горцевъ собралась,
Чтобъ стрѣлочковъ заплѣнить,
Два редута заплѣнить,
Къ нимъ дороги завалить.
Мы дорогою бѣжали
И завалы раскидали.
— Въ обрвашцевъ мы стрѣляли
Нашъ линейные встрѣчали.
— У самурцевъ побывавъ,
Возвращались мы назадъ.
Злые горы ухищрялись,
Какъ стрѣлочковъ въ плѣнъ забрать.
— Не сизой орелъ летаетъ
На крутой большой горѣ:
То нашъ командиръ бывалый,
На своемъ сѣромъ конѣ.
— Онъ къ стрѣлочкамъ подѣзжалъ,
На словахъ имъ разсказалъ:
«Впередъ, братцы, не робѣть!
Пуль, штыковъ мнѣ не жалѣть!
— Всѣ стрѣлочки не смолчали
Въ одинъ голосъ закричали:

пять ореновъ св. Владимира, 4 степени съ мечами, золотая шашка, съ надписью „за храбрость“, чины и другіе ордена были пожалованы остальнымъ всѣмъ офицерамъ, участвовавшимъ въ дѣлѣ. Нижнимъ чинамъ пожаловано 36 знаковъ отличія военнаго ордена разныхъ степеней. Наконецъ баталіонъ удостоился знаменитой награды, по случаю покоренія Западнаго Кавказа: всеилостивѣйше пожалованы въ каждую стрѣлковую роту по одному серебряному Георгіевскому сигнальному рожку.

«Съ тобой рады воевать!
 Кровь до капли проливать!»
 — «Вы, ротные командиры,
 Показать людямъ примѣръ.
 А господа субалтры —
 Помогать людямъ въ строю».
 — Праву гору открывали,
 Много выстрѣловъ давали.
 — Капитанъ Поповъ-Азотовъ
 Со второй ротой взлетѣлъ,
 На поганныхъ оборванцевъ
 Оплъ зубами заскрипѣлъ.
 А Яковлевъ, съ третьей ротой,
 На помощь ему подоспѣлъ.
 — Вскорѣ смерть его постигла
 Оплъ упалъ грудью на земь.
 Тутъ нашъ командиръ бывалый
 Назадъ роты возвращалъ.
 Онъ тутъ думалъ, какъ намъ быть,
 Какъ завалы разгромить.
 — Завязался бой геройскій
 Возмутплась вся орда.
 Балки всѣ они заняли.
 Кругомъ горы да лѣса.
 Намъ только были открыты
 Бѣла-рѣчка, небеса.
 — Бѣлу-рѣчку измѣряли,
 Бусурманъ вдался въ обманъ.
 Казаки пошли на шашки
 А стрѣлочки на штыки.
 — Мы побѣду совершили,
 Открывали путь впередъ.
 Битыхъ мы несли на ружьяхъ,
 А ранелыхъ на рукахъ.
 — Господа же офицеры
 Видятъ шутка не мала:
 Принимали съ битыхъ ружья,
 Впередъ пошли на ура!
 — Подкрѣпляли на стрѣлочковъ:
 «Впередъ, братцы, не робѣй!
 Вспомнимъ Бога и присягу,
 Намъ помогутъ небеса!»

— Бравый докторъ нашъ Банцлебинъ
Всю силу употреблялъ,
Перевязывалъ стрѣлочкамъ раны,
Опъ и слабыхъ подбодрялъ.
— Съ двухъ часовъ начался бой,
Мы дралися до шести.
Намъ зарядовъ стало мало,
Надѣялись на штыки.
— Очень намъ ужъ трудно было,
Не чувствовали въ горячахъ.

(Плясовая съ барабаномъ.)

Что вы вздумали, поганцы,
Насъ стрѣлочковъ въ плѣнъ забрать!
Или насъ впередъ не знали,
Что умѣемъ воевать?
Мы ужъ старые вояки,
Хоть недавно здѣсь у васъ;
Мы Шамшля живьемъ взяли
И теперь онъ помнитъ насъ!
Обождите, оборванцы,
Доберемся мы до васъ!
Вы шутить хотѣли съ нами,
Да не здорово пришлось.
Били пулей и прикладомъ
Мы кололи васъ штыкомъ.

Анжеронскаго полка подполковникъ Пиманскій.

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ЕРМОЛОВЪ

ПРИ НАЗНАЧЕНИИ ЕГО НА КАВКАЗЪ (*).

22-го апрѣля 1816 года, въ Смоленскѣ, проѣзжая изъ Орла въ С.-Петербургъ, Ермоловъ прочиталъ въ газетахъ о своемъ назначеніи главнокомандующимъ на Кавказъ и чрезвычайнымъ посломъ въ Персію (**). Не безъ удовольствія и улыбки принято было имъ это извѣстіе: онъ видѣлъ въ немъ удовлетвореніе своему неограниченному самолюбію.

— Я бы не повѣрилъ—говорилъ ему при свиданіи императоръ Александръ I — что ты можешь желать этого назначенія, если бы не предстали свидѣтели: графъ Аракчеевъ и князь Волконскій, ружавшіеся, что оно согласно съ твоимъ намѣреніемъ.

И правда, Алексѣй Петровичъ доволенъ былъ, какъ нельзя болѣе, такимъ вниманіемъ къ нему императора. Онъ призванъ быть руководителемъ въ той странѣ, къ которой такъ давно стремилъсь всѣ его желанія, прежде всякой надежды на возможность ихъ осуществленія. Онъ тамъ, гдѣ, несмотря на всѣ трудности, «на недостатокъ познанія о землѣ, на предметы многообразныя» и для него совершенно новые, онъ видѣлъ все-таки, что при усердіи и доброй волѣ, могъ быть полезнымъ для горячо-любимаго имъ отечества и народа, ввѣреннаго его управленію.

«Слѣдовательно, достигъ я моей цѣли!»—писалъ Ермоловъ вскорѣ послѣ назначенія (**). «Доселѣ, большею частію, праздная жизнь, и

(*) Одна глава изъ приготовляемаго авторомъ къ печати сочиненія „Покореніе и владычество русскихъ на Кавказѣ“.

Ред.

(**) Дневникъ Ермолова. См. Русскій Вѣстникъ 1863 г. № 10 стр. 642, статью М. П. Погодина.

(***) А. В. Кизадаеву 18-го ноября 1816 года и 17-го апрѣля 1817 года,—Александръ Васильевичъ Кизадаевъ, очень немногимъ старше Ермолова, былъ